Смирнов М. **Социология религии. Словарь. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2011. — 411 с.**

В предисловии к Словарю автор предупреждает, что он «сознает несовершенство индивидуальных усилий и невозможность исчерпывающе раскрыть весь круг возникающих здесь общих и частных вопросов»; и затем он замечает со сдержанным оптимизмом, что, тем не менее, «при почти полном отсутствии в отечественной научной литературе опытов обобщающего описания истории социологии религии, теорий и исследований в этой области есть надежда, что проделанный труд окажется небесполезным для социологии религии в современной России» (с. 3 – 4).

Автор глубоко прав в этой самооценке. И главное здесь вот что: Словарь в том виде, в каком он составлен М. Смирновым не просто «небесполезен»; это неоспоримо полезное издание. Эпитет «полезное» в данном случае — наиболее точен: значение этой книги нельзя отрывать от контекста серьезного отставания, несмотря на все усилия последних десятилетий, российского знания в этой области от мирового исследовательского опыта. Усилия российских социологов, о которых идет речь, включали довольно большое количество конкретных эмпирических исследований, многие из которых содержательны и результативны. То, чего, однако, явно не хватает большинству из них, так это связи конкретной эмпирики с теоретическим и концептуальным багажом — притом динамически развивающимся — накопленным на сегодняшний день в мировой социологии религии. Большинство авторов даже и не пытаются вставить свое исследование в общие референтные рамки, выработанные внутри дисциплины, предпочитая объяснять полученные данные по возможности строгим, но полупублицистическим языком. Дело здесь — именно в оторванности от развитой и сложной западной традиции, отсутствии постоянных контактов,

недоступности текущей литературы, недостатке переводов ключевых теоретически-значимых работ, и так далее. Можно сказать, что труды отцов-основателей, М. Вебера и Э. Дюркгейма, сейчас уже более или менее «переварены», и такие понятия как «харизма» или «профанное» выглядят вполне органично; но все то, что последовало за классиками, осмыслено фрагментарно и упрощенно, а многое просто неизвестно.

Были еще попытки цельного, концептуального изложения основ социологии религии: в 1990 – 2000-е гг. вышло несколько учебников (И. Н. Яблокова, В. И. Гараджи, В. И. Веремчука, О. Г. Филатовой)[1], в которых, в той или иной мере, транслируется мировой опыт дисциплины. Все эти издания, при всей важности их, лишь выборочно касаются всей сложной системы идей, концепций и методов, отдавая явное предпочтение некоторым и игнорируя другие; авторские подходы в них проглядывают с очевидностью. Это вполне естественно: надо сказать, что и на Западе многие учебники такого рода строятся, вполне объяснимо, на исследовательских предпочтениях и опыте авторов[2].

«Словарь» М. Смирнова стремится дать по возможности полную и объективную картину, приглушив собственные предпочтения автора (даже если они все же, разумеется, проглядывают и в отборе словарных статей, и в их изложении). И огромная польза от Словаря как раз и состоит в освещении широкого спектра фактов, концепций и споров, которые составляли столетнюю историю дисциплины — того материала, который выходит далеко за пределы изложенного в русских учебниках и который большей частью игнорируется в погруженную в самое себя русскую эмпирическую

[1] *Филатова О. Г.* Социология религии. Конспект лекций. СПб: Изд-во Михайлова, 2000; *Яблоков И. Н.* Социология религии// Введение в общее религиоведение. Учебник. М.: Книжный Дом «Университет», 2001; *Веремчук В. И.* Социология религии. Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2004; *Гараджа В. И.* Социология религии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2005.

[2] Например: *Cipriani R.* The Sociology of Religion: An Historical Introduction. Aldine Transaction, 2000; Davie G. The Sociology of Religion. London: Sage, 2007; Christiano K. et al. Sociology of Religion: Contemporary Developments, 2nd Ed. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2008, и другие.

социологию. В тексте Словаря классики не подавляют авторов, условно говоря, «второго» и «третьего» ряда, которым тоже находится достойное место: не только Вебер и Парсонс, но и Роберт Белла, Питер Бергер, Родни Старк, а также и еще более современные нам Айлин Баркер, Грейс Дэйви, Хосе Казанова и многие другие, еще менее известные, но являющиеся частью сложного целого.

У автора есть, впрочем, и еще одна очевидная цель в этом Словаре: интеграция русских имен и достижений во всемирную историю дисциплины. М. Смирнов, опираясь на свой прошлый опыт исследования этого вопроса[3], включает в Словарь российские имена, от А. Введенского и М. Ковалевского до Р. Лопаткина, В. Гараджи и других. Задача такой интеграции непростая и рискованная: скажем, Игорю Яблокову отведено столько же места, сколько Хосе Казанове[4], а Дмитрию Угриновичу — примерно столько же, сколько Гаэтано Моске и Дэвиду Мартину. При всем патриотизме замысла и абсолютно оправданном стремлении осветить малоизвестные усилия соотечественников, такое вплетение рискует исказить баланс реального вклада в дисциплину. По-видимому, автор и сам признает, что осмысление религии как общественного феномена в России не привело к складыванию «ощутимой» школы или устоявшейся традиции. Единственным исключением можно считать гос-подствовавшую в XX веке, в значительной степени навязанную государством марксистскую систему взгля-дов, потенциальные достоинства которой чаще всего отменялись откровенно редукционистскими ее интерп-ретациями. Социологически мыслящие российские религиоведы (употребим такой эвфемизм в силу отсутствия собственно дисциплины) тем не менее, как показывает автор, добивались результатов, но, разумеется, не благо-даря, а вопреки упрощенным марксистским схемам: такие как Юрий

[3] *Смирнов М.* Очерк истории по российской социологии религии. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2008.
[4] Именно Хосе, по правилам испанского чтения, а не Жозе, как в Словаре.

Левада, подпитывались идеями западной социологии, а такие как Александр Клибанов, прямо заплатили за свои занятия годами сталинских лагерей[5].

Повторяю: само желание отразить опыт российских размышлений о социальных функциях религии совершенно оправданно и уместно в словаре, написанном для тех, кто читает по-русски. Но не кажется мотивированным излишнее расширение списка соотечественников, внесших вклад в социологию религии. Петр Лавров, которому посвящена весьма обширная статья, при всей своей чувствительности к социологии, рассматривал ее совершенно инструментально, и сам автор Словаря находит его суждения о религии «оценочными». И уж тем более с большой натяжкой можно говорить о вкладе в социологию религии таких авторов, как Георгий Плеханов и Владимир Ульянов (Ленин), которым М. Смирнов также уделяет немало места — даже если в случае с Ульяновым автор Словаря, обычно сдержанный в оценках, позволяет себе упрек в «ограниченности» и «явном игнорировании достигнутого к той поре научного видения…». Зачем же здесь нужен Ульянов? Ведь в сходном духе о «социальных корнях религии» говорили и другие властители, тоже претендовавшие на роль социологов…

Некоторые имена выглядят тем более неуместными, если учесть, что некоторые важные имена bona fide социологов религии не нашли места в Словаре: речь идет, например, о таких современных российских ученых, как Дмитрий Фурман или Сергей Филатов, которые в свое время писали о религии на Западе, а начиная с 1990-х гг. активно работали а области исследований современной российской религиозности. (Полагаю, что Фурман сделал больше для социологии религии, чем Ульянов). Нет в Словаре и некоторых ключевых западных имен: например, отсутствует Луи Дюмон (Dumont), яркий представитель школы Дюркгейма-Мосса, идеи которого о холизме и иерархизме были основаны на сравнении Индии и

[5] Странно, что вместо того, чтобы прямо указать этот факт в биографии Клибанова, автор Словаря прибегает к неуместно уклончивой, осторожной фразе: «Идеологические обстоятельства 1930-х — середины 1950-х годов воспрепятствовали проведению этой работы».

западных обществ, в частности, их религиозных традиций. Нет в Словаре американского социолога Нэнси Аммерман (Ammerman) и всей связанной с нею традиции исследований конгрегаций в Хартфордской семинарии и за ее пределами. Нет в Словаре и Рональда Инглхарта (Inglehart), автора концепции «постматериальных ценнос-тей» и связанной с нею идеи «новой духовности»; вдохновителя и администратора Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*) — попытки «замера» ценностей, в течение нескольких десятилетий, теперь уже почти в 80 странах мира, причем религиозные индикаторы занимают в этих опросах одно из ведущих мест. Не найдет читатель в Словаре и Юргена Хабермаса, притом что его работы 2000-х г., концептуализирующие динамику рели-гиозного плюрализма и «постсекулярности», сильно влияют на современные дискуссии о религии. Нет в Словаре и Талала Асада, много пишущего о значении и соотношении религии и секулярности. Верно, что Хабермас и Асад не «социологи религии» в узком дисциплинарном смысле; но ведь содержит Словарь, вполне оправданно, статьи о некоторых других философах и антропологах.

Но довольно о том, чего в Словаре нет; вернемся к оценке того, что в нем есть! Повторю еще раз: издание содержит огромную информацию о большинстве ведущих социологов и их вкладе, причем основные идеи их излагаются и кратко, и ясно, и в то же время достаточно глубоко, выявляя огромную работу, которую автор провел над страницами книг и журналов; причем большинство этих социологов в русских переводах неизвестны.

Кроме большого количества персоналий, определив-ших историю дисциплины, автор Словаря предпринимает попытку описания основных понятий социологии религии. Я бы сказал, что в этой части работы он идет на еще больший риск, буквально вызывая на себя возможную критику и за интерпретацию понятий, да и за самый их отбор.

Например, такие понятия, как «харизма», «фунда-ментализм», «плюрализм» или «секта», — совершенно необходимые: из них, собственно, и состоит специальный язык дисциплины; и автор дает определения трезвые

и точные, и если вы с чем-то не согласны, то это может быть предметным спором. Но когда автор берется за научное описание таких понятий как «вера», «верование» и «верующий»; или выстраивает серию статей о «религиозности», «религиозном сознании» и, наконец, «религии»; или пытается развести понятия «священнослужители» и «служители культа»; или дает определения «воцерковленности» или «суеверию», — в этих случаях он вступает на скользкий путь, чреватый натяжками, нестрогостью, взаимопересечениями, выходом за пределы языка дисциплины и даже собственно научного языка.

По-видимому, раскрывая значение общих (неспециальных) слов, имело бы смысл, по крайней мере, привязать их к тому, как они употребляются в контексте социологии: например, говоря о «паломничестве», не ограничиться общими сведениями, которые можно найти в любом другом словаре или энциклопедии (этимология, определение как «индивидуальное и групповое путешествие к священным религиозным объектам…» и т. д.), а показать, как и кем это явление изучалось с позиций именно социологических. Некоторые статьи могут вызывать недоумение: скажем, термин «обряд» вполне уместен, но автор почему-то пытается развести этот термин по смыслу с «ритуалом», которому посвящена отдельная статья: ритуал трактуется как «упорядоченная последовательность обрядов», что в социологическом обиходе — отнюдь не обязательно. Но вот статья про «об-рядоверие» — совершенно оценочное слово — уже кажется совсем неуместным в социологическом словаре. В статье о «народной религии» автор верно различает *folk* religion (также local religion, хотя было бы правильно также употребить и весьма популярный сейчас термин *vernacular religion*) в противовес *popular religion*; но во-первых, народная религия почему-то определяется только как совокупность «верований» (хотя по сути она неотделима от комплекса практик), и во-вторых, по-видимому, следовало бы дать понять читателю русскоязычного Словаря, насколько именно русский вариант («народная религия») особенно идеологически нагружен — почти вплоть до его

неупотребимости в научном дискурсе. Напротив, в статье о «нетрадиционных религиях» автор ясно и убедительно рассуждает о «неоднозначности применения» этого термина, его идеологической нагруженности, но все же не решается признать его вообще негодным для научного языка. Оставляя и анализируя подобные термины, автор, возможно, ставит перед собой некую сверхзадачу — не только представить язык научной дисциплины, но и деконструировать политизированную языковую среду, сложившуюся вокруг, в более широком публичном пространстве. Это крайне сложная задача, и ее более последовательное осуществление было бы возможно при ее ясной, осознанной постановке как части всего проекта.

В конце Словаря есть огромная, полезнейшая библиография российских, советских и западных работ (между прочим, все имена, о не-включении коих в Словарь я с сожалением упомянул, присутствуют со своими работами в библиографии: эта последняя гораздо более полная, и, разумеется, было бы невозможным и ненужным поместить отдельные статьи о каждом из авторов).

Завершу рецензию тем, с чего Словарь начинается. В начале его есть краткий очерк истории дисциплины, также для удобства и внятности поделенный на западную и российскую части. Среди магистральных тем, на мой взгляд, опущено кое-что важное: например, огромная литература, посвященная в последние два десятилетия феноменально растущим пятидесятничестким и харизматическим движениям, или те же идеи в рамках концепции «постсекулярности»; доминирующая американская традиция количественной социологии религии, по контрасту с традицией европейской, почти не акцентирована. Однако в целом исторический очерк весьма полный и логичный. Прекрасно показана сама логика дисциплины, ее самоопределение в виде череды разграничений (и опыта самоограничения отдельных ученых): таковы отделение позитивного от нормативного, реально постигаемого от непостижимого «религиозного опыта», и так далее.

Прекрасно, по-моему, написан и заключительный раздел очерка, где автор делает общую оценку «состоянию и перспективам» дисциплины. Вот яркая цитата о «проблеме [ее] научного самоопределения»: «Социология религии может рассматриваться и как одна из отраслей общей социологии, и как одно из направлений религиоведения, и как рефлексия религиозной мысли над социальным измерением религии… Любое из этих состояний — иерархичность данных „ипостасей“, или их равноправие и взаимодополняемость, или же исключительность какой-либо из них — имеет своих приверженцев и противников. Пока что в целом наличествует динамическое равновесие указанных „дисциплинарных идентичностей“. Все они, хотя и по-разному, оказываются ограниченными…» — и далее даются великолепные формулировки этих «ограниченностей», которые я не буду здесь воспроизводить, но советую всем прочесть (с. 31 – 32). И далее автор показывает, как динамична предметная область дисциплины: она радикально сужается или расширяется в зависимости от трактовки того, что тот или иной социолог вкладывает в понятие «религия».

Как мы видели, М. Смирнов выбрал сложный и рискованный жанр, делающий его материал иногда трудно «приручаемым». Однако в целом это — оправданный риск, и первая оценка о чрезвычайной полезности издания остается и моим последним словом.